

Лун Сяюнь исходил цзянху вдоль и поперек и прекрасно знал о дурной, пугающей славе Горы Белого Верблюда. Спросив лишнее, он тут же устыдился собственного любопытства, а когда Линь Сяньэр молча развернулась и ушла, и вовсе не решился расспрашивать дальше. Он лишь нерешительно покосился на послушно склонившую голову Ли Шиши, которая тихо сидела рядом.

— С сегодняшнего дня я ваш новый хозяин.

Ли Шиши послушно опустила ресницы:

— Как прикажете, господин Лун.

Тем временем на другом конце города Ли Сюньхуань поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Но стоило назначить точную дату свадьбы, как гнетущее чувство вины перед Братом Луном понемногу отступило.

В последние дни он не получал высочайшей аудиенции, однако это не мешало ему долгими ночами, укутавшись в одеяло, размышлять о Его Величестве, чья слава великого повесы гремела на всю столицу.

Много ли ходило слухов о молодом императоре? Пожалуй, не меньше, чем обитало наложниц в его переполненном гареме. За каждой обитательницей дворца — от благородных дам до неизвестных служанок — крылась очередная пикантная история из бурного прошлого Вана Дуаня, которую взалхлеб обсуждал весь Кайфэн. Пестрый состав султанского двора служил своеобразной иллюстрированной энциклопедией амурных походов монарха.

Но был ли настоящий император таким, каким его малевала молва?

Говорили, будто Его Величество без ума от конного поло и цзюцю, но слаб здоровьем и хлипок телом. На деле же этот якобы «хилый» правитель совсем недавно играючи, одним ударом ладони разнес в пыль вековую крепостную стену, а после без малейшего стыда переложил всю вину на плечи самого Ли Сюньхуаня.

Слухи твердили, что император на дух не переносит разбойный люд и вольных мастеров цзянху. Однако этот «ненавистник» мало того что разбирался в законах боевых искусств получше любого старожилы, так еще и обладал невероятно глубокой, чистой внутренней силой.

Ему приписывали чрезмерное сластолюбие. Но когда перед ним предстала первая красавица и знаменитая куртизанка Линь Сяньэр, взор государя остался кристально чистым, без единого намека на похоть. Все его помыслы занимала лишь наложница Го. И хотя идея отправиться к публичной девке ради покоя собственной фаворитки выглядела, мягко говоря, экстравагантно,

кто знает — вдруг это и было высшим проявлением его беззаветной преданности?

Выходило, что образ беспутного правителя, так усердно обсуждаемый в чайных, был лишь искусно созданной маской? Ширмой, за которой скрывался истинный облик монарха. В глазах Ли Сюньхуаня авторитет Его Величества взлетел на недостижимую высоту.

Пока шли последние приготовления к свадьбе, на пороге усадьбы внезапно появился Лун Сяюнь. Вид у него был глубоко несчастный и удрученный — он пришел проститься с названным братом.

Одного взгляда на поникшего друга Ли Сюньхуань устыдился до глубины души. Однако свадьбу сосватал сам государь, а противиться высочайшей воле — тягчайшее преступление. Мучимый совестью жених попытался хоть как-то загладить вину: он буквально засыпал Лун Сяюня золотом и серебром, переписав на него львиную долю своих сбережений и вдобавок подарив несколько богатых имений.

Лун Сяюнь долго и упорно отнекивался, но в конце концов «сквозь силу» уступил настойчивым мольбам, забрав и деньги, и дарственные. На полученные средства он приобрел роскошную усадьбу в самом Кайфэне, переименовал ее в Поместье Парящих Облаков и обосновался там с немалым комфортом.

Тем временем в императорском дворце Чжао Цзи вовсю упивался садистским восторгом, устроив чиновникам веселую жизнь с ежемесячными большими экзаменами и полумесячными проверками. На каждом утреннем приеме в начале месяца лица сановников отливали мертвенной бледностью, а под глазами залегали глубокие черные тени. Вид у них был донельзя заезженный и измученный. Глядя на эти скорбные фигуры, Чжао Цзи невольно вспоминал себя в прошлой жизни — такого же замученного клерка накануне безвременной кончины. Сердце императора наполняла чистая, изысканная радость изощренного мучителя.

И если почтенные мужи, прошедшие сквозь сито жесточайшего отбора и заслужившие право лично представлять пред светлыми очами монарха, едва держались на ногах, то мелкой сошке из дальних ведомств — канцеляристам девятых и седьмых рангов — и вовсе приходилось несладко.

Почти шестьдесят процентов чиновничьей братии не могли получить даже проходной балл на протяжении целого месяца. Еще процентов двадцать тряслись от страха, балансируя на грани провала и чудом проскакивая испытания. Лишь около десятой части сдавали экзамены сносно, и жалкие единицы удостоивались оценки «отлично».

Стараясь не выходить из образа легкомысленного правителя, Чжао Цзи потихоньку награждал лучших. Одного особенно ретивого чиновника по имени Цуй Мин, который ухитрился дважды подряд сдать экзамен с блестящим результатом, император самолично продвинул по службе. Минуя сразу несколько ступеней, тот взлетел с должности скромного восточного придворного распорядителя восьмого ранга до великого мужа Чэнъянь шестого ранга.

Как известно, осел бежит веселее, если перед его носом покачивать спелой морковкой. Неожиданное возвышение Цуй Мина стало для уставших чиновников той самой сладкой приманкой. Мелкие канцеляристы, зубами вырывая проходные баллы, теперь шептали имя счастливчика как молитву и ночами напролет привязывали волосы к потолочным балкам, дабы не уснуть над скучными фолиантами.

Вскоре среди тех шестидесяти процентов вечных двоечников начался массовый отток — почти половина поспешила подать в отставку. Многие из них происходили из знатных, состоятельных семей, которым мизерное чиновничье жалованье даром было не нужно. Места для своих непутёвых чад отцы покупали исключительно ради престижа и веса в обществе. Но стоило выложить кругленькую сумму за синекуру, как грянула эта нескончаемая экзаменационная страда. Мало того что лоботрясы проваливали тест за тестом, так их имена еще и вывешивали на городских стенах для всеобщего осмеяния.

Когда титул покупался втихую, никто не задавал лишних вопросов — мало ли в столице мелких писцов? Но позорный список на крепостной стене менял дело коренным образом. Это было официальное, подтвержденное печатью свидетельство того, что наследник знатного рода — круглый дурак и ни на что не годный бездельник.

Любая мало-мальски уважающая себя семья тут же требовала от незадачливого отпрыска вернуть казенную печать. Шутка ли — изо дня в день видеть родную фамилию на стене позора! У отцов семейств при одном взгляде на императорские указы начинались спазмы в желудке. В конце концов, зачем губить здоровье и репутацию ради сомнительной чести числиться на службе, если денег на безбедную жизнь и так хватало? Уж лучше сидеть дома в тепле и покое, подальше от каверзных вопросов и злых насмешек. Разве это плохой исход?

Таким образом, вечная сунская беда — раздутый штат бесполезных чинуш — начала мало-мальски разрешаться сама собой благодаря этой адской полосе испытаний.

Разумеется, полностью искоренить подкуп, шпаргалки и утечки экзаменационных вопросов среди влиятельных кланов не удалось. Некоторые сановники даже пытались использовать новые правила как оружие для устранения политических противников. Однако, опасаясь за собственную шкуру и нажитые богатства, никто не осмеливался переходить черту и действовать слишком нагло. В целом система сохраняла относительное подобие справедливости.

Единственной настоящей головной болью для Чжао Цзи стало окончание траура по покойному императору. Отныне он был обязан возобновить визиты в женские покои. По уши увязнув в государственных делах, Чжао Цзи начисто забыл об этой священной обязанности, пока личный евнух вкрадчивым голосом не осведомился, какую из наложниц Его Величество изволит осчастливить своим посещением этой ночью. Тут-то император и забил тревогу.

Прежний Чжао Цзи слыл настоящим неугомонным жеребцом, готовым без устали трудиться на любовном поприще. Объявить во всеуслышание, что государь внезапно обратился к аскезе и укротил плоть, означало гарантированно разрушить тщательно выстроенный образ.

Загнанный в угол Чжао Цзи не нашел ничего лучше, кроме как воззвать о помощи к Ли Сюньхуаню. Он попросил верного друга раздобыть через каналы цзянху особые благовония, которыми пользовались в борделях для усыпления излишне буйных гостей.

Теперь каждый вечер начинался с жеребьевки: Чжао Цзи вслепую вытягивал табличку с именем очередной наложницы. Когда выбор был сделан, дворцовые служанки принимались готовить избранницу, умывая и умащая ее благовониями. Затем император с самым решительным видом переступал порог спальни, выставлял за дверь всю прислугу и поджигал заветную палочку снотворного зелья. Убедившись, что прелестница погрузилась в глубокий сон без сновидений, он... приступал к тренировкам.

Никаких плотских утех и любовных ураганов. Монарх занимался совершенствованием тела в самом буквальном смысле слова.

Его ночной распорядок выглядел незатейливо: усыпив хозяйку покоев, Чжао Цзи расчищал просторную площадку посреди комнаты. Первую половину ночи он до седьмого пота отрабатывал боевые приемы и стойки, а вторую — проводил в медитации, скрестив ноги и сосредоточенно направляя потоки внутренней энергии ци по меридианам.

Узнав от Ли Сюньхуаня, что его врожденная внутренняя сила на редкость хороша и чиста, Чжао Цзи воспрянул духом. Он тренировался с удвоенным рвением, и вскоре его тело преобразилось: на животе отчетливо проступили кубики пресса, а выносливости теперь хватало на то, чтобы взлетать по дворцовым лестницам на одном дыхании, даже не сбивая шага.

И вот среди этих привольных, утекающих полноводной рекой дней как гром среди ясного неба прогремела весть: наложница Го, драгоценная Го Чуньлань, носит под сердцем дитя.

Услышав доклад придворного лекаря, Чжао Цзи первым делом бросился мысленно щупать собственную макушку — не пробиваются ли там развесистые зеленые рога.

Вдовствующая императрица Сян, разделив удивление сына, тоже не спешила радоваться. Но если Чжао Цзи пребывал в ступоре праздного зеваки, размышляя о ветреных нравах в собственном гареме, то лицо старой владычицы потемнело от тяжелой думы.

«Скандал».

Зачни Чуньлань плод в разгар траура по усопшему монарху, это стало бы несмыслаемым позором для всей правящей династии. От такого нежелательного бастарда пришлось бы избавляться немедленно и безжалостно.

Оказавшись под тяжелым, давящим взглядом двух первых лиц Поднебесной, придворный лекарь то и дело утирал холодный пот со лба, дрожащим голосом высчитывая точный срок беременности фаворитки.

Вдовствующая императрица наконец облегченно выдохнула. Хвала предкам, грехопадение свершилось до объявления траура.

Сам Чжао Цзи спешно прикинул сроки в уме. Честь его оставалась девственно чиста: зачатие произошло чуть больше двух месяцев назад, как раз в те дни, когда душа его переселилась в это тело.

«Значит, перед тем как свалиться в воду, этот паршивец все-таки успел как следует раскатать лодку любви и ухитрился зачать ребенка с первой попытки!» — мысленно отвесил он бывшему владельцу тела земной поклон за выдающуюся мужскую силу.

Однако сам он, будучи убежденным пассивным мужеложцем, не имел ни малейшего желания прикасаться к прекрасному полу. Держать взаперти сотни несчастных женщин, обрекая их на вечное увядание без ласки и внимания, казалось ему верхом жестокости.

Поэтому в его голове уже давно зрел план масштабного роспуска императорского гарема.

Рано или поздно, согласно неписаным правилам сунского двора, ему все равно полагалось удариться в мистицизм, увлечься алхимией и начать глотать пилюли долголетия. Чжао Цзи решил разыграть эту карту чуть раньше: через полгодика-год он найдет какого-нибудь благообразного даоса, приблизит его к себе для душеспасительных бесед, а в нужный момент с головой уйдет в Искусство Хуан-Лао.

Тогда наложницам предложат выбор. Те, кто пожелает делать карьеру во дворце, останутся нести службу, получая регулярные повышения ранга, солидное жалованье и почет. А девицам, не желающим хоронить молодость в четырех стенах, тайно сменяют имена и выправят документы, позволив покинуть дворец и найти свое семейное счастье на воле.

Замысел был превосходным, но таил в себе одну немалую опасность: если за эти полгода кто-нибудь из скучающих дам наставит ему рога, пиши пропало. В случае огласки неверную супругу ждала неминуемая казнь, а сам Чжао Цзи рисковал лишиться трона, да и матушка Сян устроила бы ему такую головомойку, от которой не отмыться до конца дней.

У прежнего Вана Дуаня уже имелось несколько детей от наложниц, хотя из-за дворцовых козней и болезней выжить удалось лишь единицам.

Внезапная беременность Го Чуньлань разом снимала два самых щекотливых вопроса, способных подорвать репутацию государя.

Во-первых, благородное происхождение Чуньлань делало ее будущего младенца идеальным кандидатом на роль наследного принца — министры примут его куда благосклоннее, чем безродных первенцев. А раз преемник определен, назойливые старцы из Совета перестанут осаждать трон с требованиями плодить новых отпрысков.

Во-вторых, бесконечно баловаться снотворным зельем было нельзя. Если грозный альковный боец будет без устали посещать покои красавиц, но при этом гарем останется бесплодным, рано или поздно придворные шептуны усомнятся в мужской силе своего повелителя.

Теперь же все устроилось наилучшим образом. Сбросив с плеч эту изнуряющую заботу, Чжао Цзи воспрянул духом. А поскольку приближался день бракосочетания Ли Сюньхуаня, их редкие тайные встречи проходили в исключительно приподнятом настроении.

В этой атмосфере всеобщего ликования Кайфэн наконец встретил день великого торжества.

С самого утра по улицам разносился оглушительный грохот гонгов и барабанов — это свадебный поезд из восьми носильщиков сопровождал нарядный паланкин невесты из усадьбы Ли в новое семейное гнездо. Во главе процессии на холеном вороном скакуне восседал сам жених. Грудь Ли Сюньхуаня украшал огромный, аляповатый шелковый цветок пунцового цвета. Столь нелепый наряд напрочь лишал знаменитого мастера его привычной утонченной элегантности, однако новобрачный, сияя счастливой улыбкой до ушей, ничуть не заботился о приличиях. Он радостно махал рукой зевакам, пока конь мерно выстукивал копытами дробь по каменной мостовой.

Вдруг праздничное веселье оборвалось. Из толпы наперерез коннице выскочила женщина, облаченная в траурные белые одежды. Зажмурившись, она бросилась прямо под копыта скакуна Ли Сюньхуаня.

Конь испуганно заржал, взвился на дыбы, силясь подмять под себя внезапную преграду. Еще мгновение — и тяжелые копыта опустились бы на незащищенное тело.

К счастью, Ли Сюньхуань владел искусством верховой езды столь же безупречно, как и боевыми искусствами. Проявив чудеса ловкости, он рванул поводья на себя, заставив испуганное животное отпрянуть в сторону и опустить копыта на пустую землю.

Праздничная процессия мгновенно смешалась, в рядах гостей поднялся переполох.

Успокоив коня, Ли Сюньхуань легко соскочил на землю и поспешил к лежащей в пыли незнакомке, бережно помогая ей подняться.

Женщина не разжимала век. Ее бледные губы были судорожно сжаты, но это не могло скрыть мелкой дрожи, бившей все ее лицо.

Бросаясь под коня, она шла на верную смерть. Но даже величайшая решимость умереть не могла победить первобытный страх угасания. Ее разум жаждал гибели — жаждал принести эту жертву, чтобы ее безмолвный крик наконец услышал весь мир. Но плоть, вопреки рассудку, содрогалась от ужаса.

Эта внутренняя борьба придавала незнакомке вид столь хрупкий и отчаянный, что никто из прохожих не мог отвести глаз.

Ли Сюньхуань сразу понял, что женщина искала гибели намеренно. Смягчив голос, он негромко спросил:

— Вы целы? Нигде не ушиблись? — Он бережно приподнял ее за плечи. — Скажите, зачем вы пошли на такое безрассудство?

Незнакомка медленно подняла веки. Первое, на что натолкнулся ее взор, был огромный алый цветок на груди наездника. Этот яркий, праздничный цвет ослепил ее, мгновенно вызвав в памяти образ покойного мужа. Из ее глаз хлынули слезы. Рухнув на колени прямо в дорожную пыль, хрупкая женщина, не замечая ушибов, принялась исступленно биться лбом о камни. Из ее груди вырвался надрывный, полный нечеловеческой боли крик:

— Господин, умоляю! Помогите восстановить справедливость! На мне страшная обида! Смилуйтесь над несчастной! Нет правды на земле! Помогите!

<http://bllate.org/book/18987/1899775>